

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(571.5)

DOI:10.18324/2077-5415-2020-2-135-139

Колчаковская контрразведка о положении в тылу

А.В. Шалак

Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, Иркутск, Россия
Shalakav@bgu.ru

Статья поступила 03.06.2020, принята 08.06.2020

Анализируются документы разведки и контрразведки колчаковской армии, имеющие отношение к настроениям в армии, условиям жизни и обстановке в тылу, деятельности союзников. Акцент делается на осмыслении причин, приведших в конечном итоге к поражению «народной армии». Основными из них являются неспособность Ставки Колчака и его правительства организовать снабжение армейских частей, идеологическая неформальность белого движения, мародерство и репрессивные действия по отношению к местному населению. Обращается внимание на то, что информация, содержащаяся в сводках контрразведки, в целом не противоречит выводам советской историографии Гражданской войны в Сибири.

Ключевые слова: адмирал Колчак; контрразведка; тыл; союзники; репрессии.

Kolchak counterintelligence on the situation in the rear

A.V. Shalak

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia
Shalakav@bgu.ru

Received 03.06.2020, accepted 08.06.2020

The documents of intelligence and counterintelligence of the Kolchak army, which are related to the mood in the army, living conditions and the situation in the rear, the activities of the allies, are analyzed. The emphasis is on understanding the reasons that ultimately led to the defeat of the «People's Army». The main ones are the inability of the Headquarters of Kolchak and his government to organize the supply of army units, the ideological lack of form of the white movement, looting and repressive actions against the local population. Attention is drawn to the fact that the information contained in the counterintelligence reports does not generally contradict the conclusions of the Soviet historiography of the Civil War in Siberia.

Keywords: Admiral Kolchak; counterintelligence; rear; allies, repression.

В сегодняшних идеологизированных дискуссиях о Колчаке наибольшим весом должны обладать аргументы, почерпнутые из источников колчаковского окружения, т. е. такие факты, оценки, суждения, которые принадлежат тем, кто был противником советской власти, сражался с ней не только на литературном фронте, но и принимал участие в реальных боевых операциях. Значительная часть таких деятелей работала непосредственно в правительстве Колчака и его ставке, их «зарисовки» различных событий являются очень важным историческим источником, не позволяющим откровенно переписать многие страницы и оценки, имеющие отношение к Гражданской войне в Сибири. Значительную часть этих материалов нужно просто ретраншировать, поскольку они опубликованы, в большинстве случаев, сразу по окончании Граж-

данской войны, но широкому кругу современных читателей неизвестны. В то же время, публикуются и вводятся в научный оборот новые архивные данные, которые расширяют источниковую базу, позволяют углубить современные представления о революционных событиях в Сибири.

В 2019 г. Уральским отделением РАН издан сборник документов, в котором представлены донесения колчаковской разведки и контрразведки в тылу и на фронте [1]. И хотя хронологически они отражают период с июня 1919 г., когда уже началось отступление армии Колчака, тем не менее, они также представляют взгляд изнутри на происходящие процессы. Основная часть документов посвящена положению в армии и настроениям в войсках, что естественно, поскольку данные вопросы являлись основным приложением усилий контр-

разведки. Сводки контрразведывательного отделения содержат информацию не только о численности, вооружении, но и условиях формирования, настроениях в частях Западной (3-й) армии. Одновременно донесения контрразведки содержат достаточно много информации о процессах в прифронтовой и фронтовой зоне, союзниках, настроениях жителей деревень, условиях жизни в тылу, взаимоотношениях командного и рядового состава в армии Колчака и др. В совокупности они отражают, и весьма объективно, те причины, которые в итоге привели к краху колчаковского режима. Предназначенные исключительно для внутреннего пользования, сводки рисуют совсем иную картину, чем пропагандистские материалы, либо же современные поклонники колчаковского режима.

По сводкам контрразведки можно сформулировать несколько причин, обусловивших пораженческие настроения в большинстве частей армии. Чаще всего в них обращается внимание на бедственное положение солдат. Армия Колчака не была экипирована, организация снабжения осуществлялась на крайне низком уровне, что приводило к полуголодному существованию мобилизованных. Судя по сводкам контрразведки, данное обстоятельство являлось основной причиной дезертирства, которое с лета 1919 г. стало принимать массовый характер, а также самострелов и общего упадка дисциплины. Причем это имело отношение не только к рядовому составу, но и офицерским кадрам. Не только солдаты, но и часть офицеров ходили в штатских рубашках, без погон, и отличались от гражданского населения лишь форменной фуражкой. И с течением времени ситуация в области снабжения не улучшалась. Например, в сентябре 1919 г. из 1 170 чел. 45-го Сибирского полка более половины (650 чел.) не имели шинелей. Поэтому в дождливую погоду некоторые солдаты были вынуждены ходить в полушубках. Отсутствие шинелей являлось причиной простудных заболеваний. В одной из сводок отмечается, что к 23 сентября количество заболевших в частях составляло не менее 40 %. Не могли солдаты приспособиться и к английской обуви [1, с. 17, 44, 54, 115, 124, 125, 127].

В силу этих причин прибывшее на фронт пополнение часто не могло восполнить численный состав армейских частей. Поступившие в 26-й Шадринский полк 242 чел. пополнения можно было использовать только в обозных частях, поскольку все они были не обучены, их винтовки на 80 % являлись неисправными и не имели штыков [1, с. 40].

Значительная часть мобилизованных в армию Колчака дезертировала, другая часть быстро приспособилась и видела смысл нахождения в армейской среде в обогащении за счет грабежа местного населения. Причем солдаты оправдывали свои действия заботой о себе, поскольку «начальство о

нас совершенно забыло» [1, с. 138]. Этим же в массе своей занимались и офицеры. Поэтому в итоге самоуправством и грабежом занималась вся армия. Солдаты требовали, чтобы местное население кормило их маслом, сметаной, овощами и пр. У крестьян просто забирали лошадей и телеги, попутно отбирали у населения сено и овес. Для удобства солдаты размещались на повозке вдвоем (удобнее спать и больше груза можно взять). «В результате воинские части превращаются в банды, а крестьян охватывает все большее озлобление», — докладывал подполковник Н.А. Герке в своем рапорте на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса в конце сентября 1919 г. [1, с. 245].

Уже к середине лета 1919 г. разношерстное войско Колчака, обремененное награбленным имуществом, выглядело, по сводкам контрразведки, весьма печально. Например, в одной из сводок сообщается: «Солдаты ведут себя распушенно. Командный состав живет личными интересами, обращая мало внимания на солдат. Солдаты и офицеры пьянствуют. ... Полк владеет огромным обозом — около 2 000 повозок, на которых возят массу ненужных вещей» [1, с. 22]. Как следствие, в строю оставалось все меньше солдат, зато обозы разрастались, и все больше военнослужащих были заняты их сопровождением и охраной. В условиях затянувшегося отступления, нарастающего хаоса и упадка дисциплины с интересами местного населения вообще перестали считаться. Выкашивались крестьянские посеи, чтобы обеспечить коней кормами, в каждой деревне жители жаловались на кражи скота, одежды. Многие части представляли собой откровенные банды, занимавшиеся реквизицией теплых вещей, продовольствия и фуража, что в еще большей степени меняло настроение жителей Сибири в пользу Красной армии: «Что будут делать красные, мы не знаем, а что вы делаете — мы видим» [1, с. 42, 43].

Часть солдат армии Колчака переходила на сторону красных. В сводках отмечается, что «сибирские части» иногда целыми ротами переходят на сторону большевиков [1, с. 36]. Причем это касалось не только частей, страдающих от нехватки обмундирования и продовольствия. Так, в конце июля 1919 г. в состав Уфимской группы вошла «прекрасно обмундированная» 13-я дивизия. Но уже в бою 31 июля три роты 50-го Сибирского полка перешли на сторону красных [1, с. 39].

Были в армии Колчака и очень боеспособные воинские части, подобные Ижевской отдельной стрелковой бригаде, являющейся главной ударной силой Уфимской группы войск Западной армии Колчака. Однако такие примеры являлись скорее исключением, чем правилом. И даже эти воинские части не наладили отношений с местным населением, поскольку реквизиции, поборы,

откровенное мародерство с их стороны не прекращались.

В таких условиях, как фиксируют сводки контрразведки, лишь незначительная часть крестьянства осознанно оказывала помощь «народной армии». В качестве примера в сводках приводятся «некоторые» деревни Курганского уезда (Тобольская губерния), в которых были созданы структуры для проверки документов, ловли дезертиров, оказания содействия проходящим частям войск. Наиболее активно были готовы сопротивляться большевикам казаки и башкиры, но по мере успешного наступления красных количество желающих выступить против большевиков сокращалось [1, с. 47, 50].

Следует отметить, что в сводках контрразведки основной причиной антиколчаковских настроений населения называется деятельность правительства «верховного правителя», которое «в силу неопытности» оказалось беспомощным в организационной работе. Именно это стало причиной разложения в тылу и, как следствие, стремительного поражения на фронте. Причем по мере дальнейшего отступления характер документов контрразведки становится все более критичным. Окружение Колчака именуется «сволочью», а деятельность Ставки характеризуется как реакционная [1, с. 137].

Одно из слабых мест колчаковского войска — его идеологическая неоформленность. Это имело отношение прежде всего к командному составу. Среди офицеров и генералов были явные черносотенцы, выступающие за монархию и отличающиеся антисемитизмом (генералы Дитерихс, Богословский, офицеры отряда Анненкова). Восстановление царских памятников, ежедневное «Боже, Царя храни» в Общественном собрании, лозунг «Спасай Россию, бей жидов», — все это вряд ли могло найти широкую поддержку среди населения, да и в самой армии, что уже подтвердили выборы в Государственную думу и Учредительное собрание. При этом монархические настроения были свойственны части офицеров отдельных воинских формирований (например, анненковского отряда), а рядовой состав характеризуется как «настоящий сброд, большей частью преступники», которые под руководством офицеров занимались откровенным грабежом [1, с. 174]. Вокруг генерала Гайды и Пепеляева объединялись офицеры, придерживающиеся республиканских взглядов. Монархисты выступали за превращение армии в жесткую централизованную структуру, лишённую всякого инакомыслия и «свободы слова». Вторые же, напротив, утверждали, что деление на левых и правых, а также демократические традиции Учредительного собрания отнюдь не мешают делу борьбы с большевиками. При этом не было единства как среди монархистов, так и в рядах республиканцев. Это противостояние

не позволяло выступать против большевиков единым фронтом, разлагающе действовало на солдат и грозило перерасти в открытое вооруженное противостояние. Единственное, что всех объединяло, — это стремление к откровенному грабежу. Отступающее колчаковское войско бросало оружие и амуницию, но набивало вагоны награбленным имуществом. Именно такая картина рисуется в донесениях контрразведки и агента «Джона». Достаточно сказать, что Пепеляев назвал генералов колчаковского Генерального штаба изменниками и спекулянтами, «торгующими Россией оптом и в розницу» [1, с. 181]. А его союзник по взглядам генерал Рябиков отмечал: «Армия наша отступает ли или наступает, везде одна картина: воровство, грабеж, разорение хозяйства у крестьян» [1, с. 212]. Сам Колчак после одной из своих поездок на передовую был вынужден признать, дословно: «Да, теперь я сам могу сказать, это не армия, а банда» [1, с. 200].

В таких условиях Колчак был вынужден лавировать, договариваться с различными политическими силами, но для того, чтобы создать нечто способное противостоять большевикам, у него не имелось ни времени, ни возможностей, а самое главное — способностей [1, с. 170, 171].

В наше время принято обвинять большевиков в разгоне Учредительного собрания и уничтожении «демократической перспективы России». Действительно, большевики не церемонились со своими политическими противниками, но до расстрелов доходило редко. Колчаковцы же со своими политическими оппонентами разбирались намного круче. 2 августа 1919 г. сидевшие в Ялutorовской тюрьме 93 политических заключенных, связанных с Учредительным собранием и посаженных еще большевиками, были выгнаны воинами анненковского отряда, на глазах тысяч беженцев избиты нагайками, а затем расстреляны на берегу Тобола. Ранее, 18 июля, анненковцы расстреляли 150 заключенных Камышловской тюрьмы [1, с. 193].

Мародерство колчаковских частей в конечном итоге формировало враждебное отношение к ним со стороны местного населения. Разграблению подвергались дома и тех, кто был мобилизован в «народную армию». Рабочие в большинстве также были настроены в пользу советской власти. Причины подобных настроений среди рабочих почти исключительно материального свойства: жалобы на низкую оплату труда (средний заработок рабочего в сутки — 8–9 р.), дороговизну жизненно важных продуктов, задержку выплаты жалования. Успевшим пожить при советской власти, им было с чем сравнивать: «При красных заработок был выше и продукты гораздо дешевле»; «За что я буду воевать, что дала нам эта власть — полуголодное существование? А красные несут нам хлеб и свободу!» [1, с. 30].

Безземельное крестьянство Приуралья приход советской власти связывало с надеждами на перераспределение богатых башкирских и казачьих земель. Но эти устремления стимулировали антибольшевистские настроения среди казаков и башкирского населения, они в итоге становились основным источником добровольцев в «народную армию». Зажиточное крестьянское население к северу и югу от линии Чумляк — Курган, которое не успело пожить в условиях советской власти, но испытало все прелести колчаковского режима, полагало, что с приходом красных все «эти безобразия» кончатся [1, с. 31]. Поэтому даже в среде зажиточных крестьян отношение к колчаковскому войску быстро менялось. Проживавшие в районе ст. Булаево зажиточные казаки определяли на постой солдат в сараи и бани, демонстративно выносили из комнат, занимаемых офицерами, мебель, снимали занавески и скатерти, не выделяли самоваров для пользования [1, с. 78]. Стараясь уберечь имущество от мародерства, население угоняло лошадей и скот, забирало наиболее ценные вещи и скрывалось в лесу. В результате многие деревни и большие села на 400–600 дворов на пути отступавших войск выглядели почти совершенно безлюдными [1, с. 141, 146, 147]. В настоящее время сторонники колчаковского режима считают данные факты большевистской пропагандой, но они абсолютно точно коррелируют с данными колчаковской контрразведки.

Репрессивные меры нарастали и со стороны всевозможных карательных отрядов, включая иностранные части, особенно польские, что еще больше озлобляло местное население. В связи с этим следует отметить, что особую роль в низложении колчаковской власти сыграли союзные войска. С одной стороны, само существование этого режима стало возможным благодаря их поддержке. Однако, не участвуя напрямую в боевых действиях, а оказывая «народной армии» моральную и материальную поддержку, союзники со временем перешли к откровенному грабежу. И в этом они мало чем отличались от различных колчаковских отрядов. Естественной реакцией местного населения стало нарастающее сопротивление, саботаж, рост партизанского движения. В карательных операциях против партизан активно действовали иностранные легионы, особенной жестокостью прославились на этом поприще польские части. Однако чаще они, оставаясь бездейственными в борьбе против восставшего населения, сосредоточивались на реквизициях имущества зажиточных крестьян, а затем перепродавали награбленное на городских и сельских рынках [1, с. 144]. Поступающее от союзников продовольствие и товары также перепали в руки союзных войск и реализовывались по спекулятивным ценам. Солда-

ты-сербы, например, широко спекулировали на водке и сахаре [1, с. 19].

По агентурным сводкам военной контрразведки, наиболее нейтрально расположено было местное население по отношению к японцам, которые находились на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Беспомощность колчаковских войск, неверие в собственные силы, а также нежелание союзников напрямую участвовать в боевых действиях обращали надежды и Белого движения к якобы «сильным духом» японским войскам. Причем эти ожидания были свойственны как рядовым солдатам, так и офицерам. Без их помощи справиться с красными они считали делом невозможным. «Офицеры и солдаты бредят японцами, возлагая на них надежды на спасение России; ждут их с нескрываемым нетерпением, фантазия работает на этой почве всюю, и слухи распространяются самые нелепые». Большинство офицеров видело в помощи японцев единственный выход из создавшегося положения. [1, с. 3, 39, 41, 42].

Среди высшего командного состава колчаковской армии единого мнения о союзниках не было. Представители «монархической России» не строили особых иллюзий по поводу истинных целей Антанты. Генерал Дитерихс, объясняя свои разногласия с Гайдой относительно союзников, утверждал: «Вся их задача раздробить и обессилить Россию, чтобы раз и навсегда уничтожить славянского врага. Разве Россия может остаться безучастной к такому беспрецедентному делу, вся их настоящая помощь — не помощь, направлена к тому, чтобы отнять и кусок Сибири». С точки зрения генерала, рано или поздно «славянству» потребуется объединиться, чтобы быть способными противостоять западу, «так беспрецедентно распоряжающемуся обессиленной страной» [1, с. 206].

В опубликованных донесениях контрразведки есть аналитические зарисовки, представленные офицерами колчаковской армии, в которых предпринята попытка осмысления причин ее поражений и разложения. Один из таких рапортов — подполковника Н.А. Герке — был направлен начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу 30 сентября 1919 г.

Основной причиной неудач в рапорте называется честолюбие командного состава («нажива личной славы»), а также стремление обогатиться на войне. Именно это Н.А. Герке усматривает в различных интригах, окружении высших командиров бесталанными, но готовыми услужить приспешниками, распространении высшими офицерами ложной информации о своих успехах. Откровенная конкуренция на этой почве приводила к тому, что различные реквизиции и грабежи ради личной наживы офицерами и солдатами штабов «получают дозволение» либо остаются без внимания. У подобного командного состава, запачканного мародерством и

лицемерием, «не имелось нравственной основы для воспитания солдатской массы и поддержания дисциплины». Это усугублялось отсутствием идеологической основы. В армии, не объединенной какой-либо идеей и смыслом, дисциплина могла держаться только на мерах запугивания солдат (порка и расстрел). Следствием этого являлось и отсутствие уставов строевой, полевой, внутренней службы, наставлений для штабов, что только усугубляло некачественные действия командного состава, вело к окончательной потере им авторитета.

Это состояние разложения и беззакония в рапорте называется «отсутствием души» армии. Поскольку командный состав не может предложить солдатской массе и населению что-то живое и одухотворяющее, масса теряет веру в мощь и силу армии, власти и правительства «Верховного правителя» [1, с. 243, 244]. Отсутствие порядка, вражда между командным составом, грабеж населения привели к утрате со стороны жителей Сибири веры в белых, а безразличное отношение народа не могло не сказаться на состоянии армии.

При этом следует отметить, что те меры, которые предлагались в подобных рапортах для исправления ситуации (восстановление старых частей Сибирских стрелков, инспекторские смотры, заготовка в тылу погон и кокард), вряд ли могли способствовать появлению «идейных воинов», а также вдохновить армию [1, с. 247, 248].

В докладах контрразведки постоянно обращается внимание на то, что в армии Колчака слабым местом является отсутствие грамотной агитации. Учета агитационных материалов не велось, газеты в основном оседали у офицеров и использовались как оберточный материал, осведомительная деятельность среди солдат практически отсутствовала [1, с. 249–253]. Очевидно, что в том состоянии, в каком пребывала армия Колчака, организовать подобную работу было невозможно. Ни у «Верховного правителя», ни у командного состава, ни тем более у солдатской массы не было образа будущего России, а теснейшая связь с представителями иностранных войск, которые также занимались откровенным грабежом местного населения, не могла помочь им выступать в роли защитников своего Отечества.

Таким образом, донесения колчаковской разведки и контрразведки не противоречат выводам отечественной историографии о причинах поражения Белого движения в Сибири. С одной стороны, публикуемые документы расширяют круг источников по Гражданской войне, дополняют уже известную картину новыми свидетельствами и фактами. С другой стороны, подобные документы могут являться убедительным аргументом в противодействии околонучным стремлениям переписать историю Гражданской войны в Сибири в угоду определенным идеологическим предпочтениям.

Литература

1. Фронт и тыл колчаковской армии в документах разведки и контрразведки (июнь 1919 – март 1920 г.): сб. документов / под ред. М.И. Вебер. Екатеринбург: Ин-т экономики УрОРАН, 2019. 272 с.